

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

БУТОР

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 Бугор / Владимир Колычев. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-094039-4

Демьяну Уварову удалось вытащить из борделя Ларису Ильину. И до того понравилась молодому человеку девушка, что он привез ее в родное село и женился на ней. Все складывалось удачно в жизни Уваровых: Демьян поднял хозяйство, в семье появились дети. Но люди из прошлого не оставляют в покое Ларису. Бандиты вторгаются в жизнь супругов. Уваров дает им решительный отпор, не замечая, что теряет самое дорогое, что есть у него в жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094039-4

© Колычев В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Вечер, небо темное, но на нем еще видны облака, в смутных очертаниях которых чудятся то замки, то драконы. Холодные ветры обдувают это причудливое нагромождение сгустившихся в атмосфере водных паров, срывая с них колючие снежинки, бросая их в холодный свет фонарей и на горячие огоньки тлеющих сигарет.

Февраль на дворе, мороз, но в его ледяном дыхании уже смутно угадывается робкое весеннее тепло. Зима еще долго будет злиться, но ведь когда-нибудь она закончится. Весна принесет тепло, лето — жару, которая сейчас, в мороз, кажется чудом, но если для кого-то эти перемены станут всего лишь приятным чередованием времен года, то для Демьяна — концом черной полосы в его жизни...

Как ушел он из дома в далеком восемьдесят четвертом году, так до сих пор и мается по жизни как неприкаянный. Афган, война, кровь... Он мог бы вернуться домой через два года, но нет, дернул его черт остаться на сверхсрочную. Старшиной мотострелковой роты был, людей за собой водил в бой. Их часть уже собирались выводить в Союз, когда у него произошло столкновение с новым командиром роты. Этот недоумок, чтобы выслужиться, от-

правил группу по неизведанному маршруту, без разведки, без должного сопровождения с воздуха, и как итог — восемнадцать трупов. Нет, убивать ротного Демьян не собирался, он просто не рассчитал силы. Удар у него чересчур мощный, а злость на командира вывела его из себя. В общем, не выдержал ротный бокового справа, скончался по дороге в госпиталь. А Демьян получил шесть лет колонии. Но ничего, летом прозвенит звонок, и он наконец-то отправится в родное село. А пока что нужно набраться терпения и досидеть свой срок. Шесть отмеренных лет уже на исходе, скоро домой...

Демьян бросил окурок в урну, отряхнул ватник от мелких снежинок и прошел в двери лагерного общежития. И остальные заключенные потянулись за ним, хотя никто не загонял их в барак со двора локалки.

Рабочий день закончился, народ поужинал, личное время сейчас, потом появится замполит, прочтет мораль на сон грядущий. Демьян против такой лекции не возражает, лишь бы только она в тепле была да дремать разрешалось. Замполит у них не дурак, он понимает, что люди чертовски устали после промки, поэтому орать ни на кого не будет. И Демьяна на спящих натравливать не станет, бесполезно это.

Личное время, воспитательная работа, подготовка ко сну — все эти мероприятия пролетят очень быстро, а потом будет отбой, и закончатся еще одни сутки той долгой череды дней, которые отделяют его от свободы. Но очередной крестик в календарике можно поставить уже сейчас.

Демьян прошел к своей шконке, что стояла в

дальнем углу. Место у него почетное, но справа от прохода. Слева — блатной угол, там обитает смотрящий всей зоны. Только это место, как правило, пусто, потому что Лешему больше по нраву больничка, где у него все схвачено и промазано медом. По идее, кроме Лешего, из блатных здесь должен был находиться еще и смотрящий по бараку, но нет во втором отряде такового. Во всех отрядах есть, а во втором — нет, и все потому, что Леший не хочет делить свою власть над отрядом с кем-то из блатных. Зато при этом вор ничуть не возражал против того, чтобы в его отсутствие за бараком смотрел Демьян. Не возражает, потому что кто-то должен следить за порядком. Не возражает, но Демьяна терпеть не может. И нелюбовь эта обоюдная. Тихая такая, бесконфликтная ненависть. Демьян — плоть от плоти мужик, блатная романтика не для него, потому для Лешего он чужой. И сам он Лешего с его свитой не жаловал, из-за того что эти паразиты жили на теле трудового народа. Люди за них на производстве спины гнут, пока они тут свои воровские законы блюдут. Впрочем, наезжать на Лешего бесполезно: его только могила исправит. Да и самого Демьяна воры под себя не подомнут, потому что принципы у него и характер, на которых он крепко держится...

Только беспокойно в блатном углу. На шконке Лешего, затылком прижимаясь к нарисованной березке, сидел дюжий кавказец — бровастый, носатый, с крепкой борцовской шеей. Надменное выражение лица, вялая презрительная усмешка на тонких губах. Рядом с ним свита — жулик из пиковой масти, три «быка», один из которых славян-

ской внешности. Робы у всех наглажены, прохоря начищены — как на парад. Так, может, у них какие-то свои торжества намечаются...

Слышал Демьян, что не так давно в зоне появился грузинский вор в законе, но в подробности этого дела не вникал, поскольку оно его не касалось. У блатных своя жизнь, пусть они в своих раскладах сами маринуются. А у него свои проблемы — простых работяг держать в узде, чтобы они план давали. Бугор он, бригадир в распилочном цехе, а в том, что за отрядом и здесь, в жилой зоне, приходится смотреть, его вины нет, лагерный пахан так фишку бросил.

Но если кавказская блатота решила взять барак под себя, так это его мало касается. Пусть Леший с ними разбирается, а для него главное, чтобы пиковые не выеживались, мужиков не обижали. Пусть хоть сам черт здесь правит балом, лишь бы только порядок был.

Демьян уже сворачивал с главного прохода в свою сторону, когда вор снизошел до него — показал на него рукой и небрежно шелкнул пальцами. Дескать, сюда иди. Но Демьян сделал вид, что ничего не заметил.

Но «бык» из воровской свиты не позволил ему далеко уйти, нагнал, хлопнул по плечу:

— Эй, мужик, тебя зовут!

Демьян остановился, неторопливо развернулся к нему, смерил меланхоличным взглядом. Не слабого десятка джигит, лоб в три наката, нос крупный, широкий, челюсть массивная, тяжелая, живого веса не меньше центнера. Уши приплюснуты, перегородка носа деформирована, шея накачан-

ная — все это выдавало в нем борца. С таким лучше не связываться. Но Демьяну наплевать.

— Эй — это тебя так зовут. Чего тебе надо, Эй?

— Я не понял, мужик, ты чо, наехал?

— Гога, не быкуй! — одернул его жулик. — Давай сюда бугра!

«Бык» изобразил обиду, дескать, как жаль, что его остановили. На самом же деле такая отставка его только радовала. Потому что, вне всякого сомнения, он знал, с кем имеет дело.

— Тебя зовут! — кивком Гога показал на смотрящего.

— Я понял, — угрюмо сказал Демьян.

Но к блатным не пошел. Он не собака, чтобы вилять перед ними хвостом.

— Эй, ты куда? — возмущенно протянул «бык».

Но Демьян и ухом не повел. Он приблизился к своей шконке, сел, спиной прислонившись к стене. Гога уже вернулся к своим, а к Демьяну подсаживались его люди — Мишутка, Пояс, Диван Царевич. Свиты как таковой у него нет, штатных бойцов тоже, но есть люди, на которых он может положиться в тяжелую минуту. Да и все мужики готовы подписаться за него, если вдруг что. Потому он спокоен.

Зато кавказский вор нервничает. Жулика к нему прислал.

— Слышь, бугор, с тобой Арчил поговорить хочет.

Худой он, тощий, если не сказать изможденный. Глаза красные, лицо землистого цвета, губы синевой отливают. Похоже, вор конкретно сидел на игле.

— Пусть подходит, поговорим, — пожал плечами Демьян.

— Он не может.

— Почему?

— Потому что он вор.

— Да? А я не вор. О чем нам говорить?

— Надо поговорить.

— Поговорим. Сейчас я ситуацию пробью, узнаю, что почем, и предъявлю твоему Арчилу.

— Ты предъявишь? — удивленно и с возмущением протянул жулик.

Но Демьян ни ухом не повел, ни бровью. Он все сказал и разжевывать свои слова не собирался. Блатной это понял и ретировался. А спустя время к Демьяну подошел сам Арчил. Руки в брюки, разболтанная походка от колена, презрительный взгляд.

— Я не понял, мужик, кому ты здесь предъявы собрался клеить?

Демьян неторопливо поднялся, смерил его невозмутимым взглядом:

— Ты кто такой?

— Я теперь здесь вместо Лешего!

— И что?

— Как что? Я теперь здесь мазу держать буду!

— Флаг тебе в руки.

Арчил сдерживал ярость, но глаза метали молнии. Он смотрел на него, испепеляя взглядом, пытаясь таким образом доказать свое превосходство, но серьезное к себе отношение внушить так и не смог. Демьян тонко усмехался, глядя на него.

— Я теперь здесь решаю! — так ничего и не добившись взглядом, сквозь зубы процедил вор.

— Решай.

— Что я скажу, то и будешь делать!

— Ну, говори...

— Толпу соберешь, объявишь, что я теперь здесь за вора, понял?

— После отбоя.

— Нет, сейчас.

— Сейчас нельзя спать, рано еще. После отбоя засну. И толпу во сне соберу, и ты с ней во сне поговоришь...

— Борзеешь?

— Нет, это ты борзеешь... Я тебя знать не знаю, а ты баллоны на меня катишь.

— Я вор, а ты мужик, я говорю, а ты делаешь. Я сказал тебе: к ноге, значит, к ноге! А ты рогом уперся, потому что тупой!

Демьян не стал бить в полную силу. Ударил коротко, без размаха, но Арчил, падая, сбил с ног своего «быка», что стоял за ним. Второй боец бросился на Демьяна, но тяжеленный кулак опрокинул его на поверженного вора. Остальных кавказцев добились мужики. Набросились на них, смяли, а затем и вовсе вышвырнули за порог общежития.

Арчил волком выл, осознавая свою беспомощность. Кричал, насылал на голову Демьяна проклятия и угрозы, но тому хоть бы хны. Он бугор, за ним вся серая масть в зоне, надо будет, мужики из других отрядов подтянутся, чтобы смять оборзевшую блатоту. Он человек мирный, власть как таковая ему не нужна. Ему бы на свободу, а там хоть трава не расти... Но грузин Арчил не прочитал его русскую душу, за что и поплатился.

Как потом выяснилось, пиковый законник сумел подмять под себя большую часть воровской элиты из лагерного круга, навязать свою волю са-

тому Лешему. Потому с таким презрением отнесся к Демьяну, на чем и погорел.

После того как Арчила вышвырнули на мороз как шелудивую собаку, он потерял свой авторитет. Пока грузин приходил в себя, Леший спустил с цепи своих собак, не оставив новоявленному пахану ни единого шанса на реванш. Но Демьяна это не касалось, ему эти воровские разборки до лампочки. Ему главное, чтобы порядок в отряде был, чтобы бригада на производстве план давала, ведь без этого не видать ни хорошей пайки, ни дополнительной отоварки в ларьке. Да, такие вот у него приземленные интересы, но так ведь он и сам — мужик, что называется, от сохи, его какие-то там высшие воровские материи особо не интересуют. Для него чем проще, тем лучше. Если, конечно, ноги в тепле и зубы не на полке...

Глава 2

Норковая шубка хороша в холода, но на дворе лето, и этот мягкий блестящий мех совсем не радует. Только ничего не поделаешь: работа есть работа, и приходится выхаживать в шубе по подиуму.

Русского человека с детства учат, что сани нужно готовить летом, и все равно шубы лучше раскупаются зимой, и это меховое дефиле — мартышкин труд. Но Лариса все равно старается, ведь она модель и за свою работу получает деньги, к тому же среди покупателей может оказаться человек, который предложит ей более серьезное дело, чем показ одежды в отдельно взятом меховом салоне...

В Москву она приехала прошлой осенью с одной-единственной целью — стать фотомodelью.

Внешность у нее модельная, во всяком случае, она была в том уверена. Но в модельном агентстве вдруг выяснилось, что для успешной карьеры ей банально не хватает роста, к тому же грудь у нее больше нормы, хотя ее объем и не превышал стандартные «девьяносто». С такой грудью, сказали, в порно хорошо сниматься. И ноги у нее очень длинные, и кривоваты они... В общем, очень много нового узнала тогда о себе Лариса. Но в порноактрисы не пошла. И в проститутки тоже. Зато познакомилась с одним бизнесменом, который даже не заметил всех этих недостатков.

И ничего, нормально все. Алик занимается коммерцией, у него своя двухкомнатная квартира в хорошем районе Москвы, обстановка, машина. Может, он и не так богат, как некоторые, зато Лариса влюблена в него по уши. Никто другой для счастья ей и не нужен, а для иллюзии профессионального успеха вполне хватает подиума в меховом салоне.

Свой номер она отработала в поте лица. Душа здесь нет, но ничего, Лариса помоеется дома.

Она уже надела платье и застегивала ремешки на босоножках, когда появилась хозяйка салона.

— Лариса, ты сегодня молодец!

Сердце замерло в радостном предчувствии. Сейчас Марина Петровна скажет, что на нее обратил внимание директор модельного агентства или очень известный фотограф... Но нет, Марина Петровна положила руку ей на задницу. Как будто невзначай. Но Ларису не проведешь, она знает о наклонностях своей начальницы. И это неудивительно, ведь, если верить Алику, Москва — это русский Содом. Здесь, он говорил, извращениям всем воз-

расты покорны. Не хотелось в это верить, но сама жизнь открывала глаза на правду.

— Спасибо вам, Марина Петровна!

Впрочем, хозяйка салона еще только начинающая лесбиянка, в ней не было той агрессивности, присущей прожженным коблам, о существовании которых Лариса знала по рассказам своего Алика. К счастью, ей самой с такими бестиями встречаться не приходилось.

— Я побежала!

— Может, тебя подвезти, детка? — с досадой в голосе спросила Марина Петровна.

— Нет, спасибо! Я на метро!

Не получалось у нее снять Ларису, а использовать свое положение начальницы она не могла. Какая еще дура согласится париться у нее на подиуме за жалкие десять долларов в день? Можно, конечно, нанять какую-нибудь страхолюдину, но ведь это никому не нужно. А Лариса — девушка красивая, ну, может, бюст и ноги не совсем соответствуют стандартам, зато мужчины считают ее очень сексуальной. И некоторые женщины тоже...

Может, и много в Москве извращенцев, но никто из них не смог пока зажать Ларису в угол. И от Марины Петровны она ушла, как тот колобок от волка...

Метро нравилось ей только первое время. Захватывающий гул электричек, скорость, с которой несешься к свету в конце тоннеля — все это завораживало, но постепенно вся острота ощущений сошла на нет. И уже не за горами тот день, когда эта подземная суэта начнет злить или даже бесить. Но ничего, дела у Алика идут хорошо, и скоро он купит

Ларисе новенькую «восьмерку», тогда поездки в общественном транспорте останутся в прошлом...

Может, и не очень приятно ездить в метро, но там хоть прохладно, и тополиный пух не лезет в нос. А на улице жара, духота, горячие испарения от раскаленного асфальта, тяжелый дух выхлопных газов. Но все-таки Лариса не старая немощная бабка, чтобы страдать, ахать и смаковать свои мучения. Она молодая, энергичная, и в босоножках на шпильке передвигается с той же ловкостью, что и в кроссовках. Она легко преодолела расстояние от станции метро до своего дома на Звенигородском шоссе, поднялась на этаж. Квартира находится на северной стороне, и потому здесь нежарко.

Сейчас Лариса пройдет в спальню, снимет с себя платье и бросит его на роскошную кровать с резной спинкой, примет душ, потом в банном халате сядет в кожаное кресло в гостиной, отдохнет немного и отправится на кухню, тоже с дорогой мебелью, приготовит чашечку кофе, а потом начнет стряпать ужин. Алик возвращается домой усталый, его нужно накормить и приласкать.

Но Алик уже был дома, и не один. Какие-то мужики в комбинезонах выносили холодильник из кухни. Ларисе пришлось посторониться, чтобы ее не толкнули. Она прошла в гостиную, а там гулкая пустота и голые стены. Да и в прихожей она не заметила никакой мебели.

В комнату вслед за ней зашел Алик. Симпатичный он мужчина — четкие и правильные черты лица, светлые глаза на фоне темных волос, добрая, но при этом чуточку снисходительная ирония во взгляде. Ему слегка за тридцать, но фигура как у